

- государственного педагогического института им. П.П. Ершова. Серия "Филология". - Ишим: ИГПИ им. П.П. Ершова. - 2013. - №1 (7). - С. 40-43.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1986. – Т. 1 (А – Д). – 576 с.
18. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов. - К.: Государственная библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.

МАСТЕР-КЛАСС: ОБ ОТКРЫТИЯХ В ЛИНГВИСТИКЕ

В.К. Харченко

НИУ «БелГУ»

Высокие, если не сказать: завышенные требования к качеству научно-исследовательских работ преподавателей вузов, учителей школ, а также аспирантов, магистрантов, студентов, школьников логично предполагают презумпцию знания исследователями оптимальных путей достижения требуемых высот. Однако на сегодняшний день регулярная аналитика лингвистического поиска практически отсутствует, и начинающий исследователь (а при формулировке новых проблем любой исследователь заведомо относится к категории «начинающих»!) вынужден действовать методом проб и ошибок, руководствуясь собственной интуицией и опираясь на аналоги – труды предшественников.

Как состояться в науке, запечатлеться, а, строго говоря, как при общей кромешной занятости реально что-то успеть сделать – вопрос далеко не только личный, не только индивидуальный, поскольку от частных усилий в социуме зависит очень многое, если не всё. «Реально что-то успеть» – это не значит, что вас сразу оценят. В университетской газете была публикация проф. В.В. Морковкина о том, каким образом попасть в престижные журналы с высокими импакт-факторами. Ответ звучал следующим образом: ученому надо

чувствовать мейнстрим, главное течение в сфере его исследовательских притязаний и соответственно действовать в этом русле. Обратим внимание: упоминают тех, кто первыми написал книги, например, по теории концепта. Потом появились не менее глубокие работы, но они уже провисают, к ним общий интерес уже на порядок слабее. Если же говорить о развитии науки, той же лингвистики, то она не может равномерно развиваться по всему периметру, значит надо искать не мейнстрим, а неработающие, «спящие» области знаний. Есть сгущения, есть пустоты, коими никто не занимается, и здесь реально можно сделать своё, нужное для науки дело. Из биологии известно: чем биоценоз разнообразнее, тем он устойчивее. И лингвисты хороши разностью потенциалов.

Есть любопытная метафора Е.А.Климова, специалиста по теории профессий, так называемая теория метелок, когда ветвление одного прутика завершается тем, что один из его стебельков в свою очередь начинает ветвиться, множиться [Климов 1992: 3-12]. Так и в лингвистике. Рассмотрим, что нужно, чтобы зародилась точка ветвления.

Первое. Необходим лично собираемый материал: факты языка, выписки из книг с контекстами, записи разговорной речи. Акустическая, старинная, устная культура и до недавнего времени весьма авторитетная книжная культура в настоящее время уступают место Интернет-культуре – тем более не следует их забывать. То, что вы записали, обязательно пригодится, может быть, через пять лет, а то и через десять лет, но – сработает. Факт – это уже теория. Наши наблюдения уже теоретичны, писал Ян Хакинг. Составляя Словарь цвета, я заметила, что если из книги контекст с интересным цветообозначением («киссиня-белый») сразу переношу в свою базу, то хорошо не получается, а если сначала в тетрадь, а потом, получается, вторично переписываю, то словарная статья выглядит значительно лучше, так как понимаешь, какой объем контекста надо взять: не больше и не меньше, да и толкование глубже промывается. Филологу-профессионалу надо не устывать быть и антенной, и, что еще труднее, принтером: схватить, уловить, записать, то есть создать свой собственный, а

потому уникальный корпус материала при том, что существуют словари, электронные корпуса (BNC, НКРЯ), хрестоматии, антологии. Вы не знаете, куда вас «занесёт» через три года, через пять лет неустанной работы, но интересное в языке нужно фиксировать. Как творческий процесс наука во многом осуществляется на бессознательном уровне. Вы никогда не узнаете, что назавтра вам понадобится. Поэтому не поленитесь: если что интересно – запишите, законспектируйте. Я сейчас вышла на проблему гетерозиса, межнациональных браков, влияния «чужой крови» на поведение личности, а материала у меня предельно мало. Есть примеры по семейным родословным есть, как голос чужой крови помогал выстоять. Есть примеры по художественным экстам, но по разговорному дискурсу практически материала нет: как влияет на поведение присутствие «не-титульной» крови или учеба у соседей, представляющих другие нации. Для проблематики глобализации всё это весьма значимо.

Итак, первое условие – это факты и контексты, цитаты, помноженные на любовь к фактам языка и цитатам. Проф. Т.Ф. Новикова восстанавливает с братом лексикон своей удивительной мамы – дворянки по происхождению, мечтая издать словарь, а я записываю, как ярко говорит сама Татьяна Федоровна. Записываю удивительно богатую речь и других своих сослуживцев: проф. Г.М. Шипицыной и проф. И.А. Нагорного, проф. Н.Н. Семененко и проф. К.И. Раковой, проф. П.А. Ольхова и доц. В.В. Гончаровой. В этом списке русисты, германисты, психологи, фидософы.

Что касается контекстов, то кто бы думал, что рефлексию поэзии можно изучать, привлекая... колыбельные. Но именно эта мысль пришла в голову Ирине Ивановне Чумак-Жунь, и докторская диссертация получилась многожанровой, красивой, см. [Чумак-Жунь 2009].

Всё, что вы зафиксировали, вам обязательно пригодится.

Второе. Необходим лично собираемый интерпретационный материал, выписки из статей, книг. Есть ученые, которых я не могу не конспектировать: М.Н. Эпштейн, К.Г. Фрумкин, Р.М. Фрумкина, Б.Ю. Норман, Н.Д. Голев,

Г.Г. Хазагеров, при этом одна и та же цитата срабатывает не единожды, но здесь, как и в материале, вы должны отличаться от других. Это особенно важно именно сейчас, когда лукавый компьютер с Интернетом позволяют, во-первых, не конспектировать, а скачивать, во-вторых, наводят на одни и те же работы, что не есть хорошо. Освежить свой материал можно, таким образом, неожиданным цитированием. В вышеупомянутой статье по наукометрии дан совет или условие, позволяющее прорваться в SCOPUS: нужно цитировать авторов статей, опубликованных в тех журналах. Полагаю, что мы все вместе должны расширять горизонты охвата наработок наших коллег и не стесняться упоминать и не самые известные работы. Полагаю, что когда работ много (например, по концепту «счастье»), можно использовать приём, который можно назвать модельным цитированием. То есть, не перечисляя всех публикаций (их особенно много в сопоставительном ключе исследования феномена счастья), указать лишь одну характерную, используя слово «в частности». Сказанное относится к обрисовке проблемы, но отнюдь не к её непосредственному, узловому вопросу, по которому следует представить список в два-три раза шире традиционных списков. Наша лингвистика страдает малым количеством отсылочной информации.

Теперь представим: у вас есть тема, материал, есть некоторый набор проработанных конспектов. Так как совершить прорыв, как сделать, пусть небольшое, но открытие, как выйти из потока, что уже есть в лингвистике, на то, чего пока нет у других? Наш ответ далее будет несколько категоричен и схематичен, но жанр мастер-класса, по-видимому, это разрешает. Недавно была опубликована статья, в которой раскрывается, что каждый автор по определению уже самозванец [Тульчинский 2010: 140-163]. Впрочем, далее мы расскажем далеко не только о своих работах.

Первый вектор поиска своеобразия подхода назовём «ТАМ, ГДЕ ДРУГИЕ ОСТАНОВИЛИСЬ». Е.А. Огнева опубликовала статью в сетевом ВАКовском журнале [Огнева, Кузьминых 2012], статья понравилась, и через

несколько месяцев автор получает диплом члена-корреспондента РАН. Секрет успеха здесь в том, что человек исследовал когнитивную сцену, тогда как обычно эту сцену, как просто констатируют, приводят пример и на том анализ, не начавшись, уже завершается. В упомянутой статье как раз есть такой анализ когнитивной сцены (молитва матери Алёши) из «Братьев Карамазовых». Мать Алёши молится, потом вбегает няня, выхватывает мальчика. Анализируется время (называются хрономы), пространство (проксеми, такемы, кинемы), объекты, субъекты, после чего исследуется перевод фрагмента на английский язык, где симметрия перевода и где симметрия отсутствует и почему. Мы не будем пересказывать всю статью. Важно понять мысль: там, где другие остановились, исследователь продолжил. Итак, «остановка», торможение. А дальше что? Я и сама не могу ответить на этот вопрос, например, когда читаю сопоставительные работы по шифру 10.02.20: в одном языке так, в другом – по-другому. А далее? Прикладной выход здесь просматривается: мы должны учиться у других культур, только тогда станем страной-лидером, у которой другие захотят учиться [Фрумкин 2008: 174], это и поведения касается, и быта, и науки. Но на прикладные аспекты мы практически не выходим.

Второй вектор: «ПЕРЕПРЫГИВАНИЕ ЧЕРЕЗ ВЕКА И/ИЛИ СТРАНЫ», ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПЕРЕСКОК, то есть обращение к древним парадигмам. Это докторская диссертация В.А. Садиковой [Садикова 2009]. Человек исследовал разговорную речь, реплики, но подошел к ним не с уже примелькавшейся теории речевых актов (просить, убеждать), а с выявления двадцати категорий Аристотеля. Это такие, «немодные» сейчас в лингвистике категории, как «причина», «количество», «место», «цель», «общее», «сравнение», «свойства», «страдание». Тогда как «сущность» и «явление» в живой речи меньше представлены. Топика: цель общения здесь и сейчас. То есть помимо семантики, грамматики, прагматики – топика. Ищите интерпретации там, где никто не ищет. Феномен парадигмального перескока мы наблюдали и в диссертации О.А. Шахин, исследовавшей житейные смыслы

в творчестве советского писателя А.А. Фадеева [Шахин 2008]. Получился весьма убедительный материал, показывающий, как через «советский слой» текста проступают конфессиональные ценности древних эпох. С парадигмальным перескоком мы сталкиваемся, когда исследуют и так называемые стихии (воды, земли, огня, воздуха), что наблюдается, например, при описании концепта «интерес» в английском языке [Плотникова 2010].

Третий вектор – это когда фиксация МИНУС-МАТЕРИАЛА. Исследовательский интерес к тому, чего... нет, фиксация, осознание языкового обнуления и объяснение этих отсутствий. Работая над электронной базой данных, в течение трёх месяцев (май-июнь-июль 2012 г.) мы фиксировали «всё» по 48 параметрам в спонтанной речи: сравнения, гезитация, гендиадис, метафоры, эпитеты, соматизмы, фразеологизмы... Исследовались также совмещения: в метафоре мог быть соматизм, фразеологизм может строиться на метафоре и нередко на соматизме. В итоге по 48 параметрам были выделены четыре группы: очень много (речевых фактов), много, мало и очень мало.

Почему так мало пословиц? Ответим: бабушки стали жить отдельно и слишком часто смотрят телевизор, теряя и богатство, и эвристику пословиц, способных подсказать грамотное поведение в непростых (всегда непростых!) жизненных ситуациях. На занятиях по культуре общения приходится знакомить будущих врачей с пословицами: *Болезнь приходит тудами, уходит золотниками. Умирает не старый, но поспелый; Битая посуда два века живёт; Выпшишься – помолодеешь; Мешай дело с бездельем – с ума не сойдёшь; Кисель – зубам не порча; В зимний холод всякий молод; Терпи – взмилуется* и мн.др.

Другой вопрос всплыл: почему фразеологизмы в разговорном дискурсе такие неинтересные и почти всегда негативные? Да потому что наш негатив пасётся, если не на инвективах (сквернословии), то уж точно на фразеологизмах. Чтобы что-то пережить, надо выразить чувство на порядок сильнее: *Да я ему в ножки поклонюсь! Уши оторву!* И здесь филолог может

просветить тех же социологов. Были опубликованы результаты опроса по оценкам власти. Респондентам предложили 20 фразеологизмов, как, мол, вы характеризуете власть и в итоге пять фразеологизмов вышли в лидеры: *гребет деньги лопатой* – 31,8%, *толчёт воду в ступе* – 29,8%, *бросает слова на ветер* – 27,3%, *себе на уме* – 27,3%, *врёт без зазрения совести* – 21,8%. Был сделан соответствующий вывод, что главная беда – коррупция [Чеснокова 2010: 130]. А мы бы сделали другой вывод: фразеологизмы обслуживают преимущественно негатив и при проведении подобных опросов их нельзя включать в качестве маркеров личности.

Получается интересная закономерность: отрицательная экспрессия, эмоция обслуживаются фразеологизмами, тогда как креатив, творчество – метафорами, цитатами. Мужчина у светофора лет 68 показывает на тучу и без всяких вступлений с улыбкой произносит мне, незнакомому человеку: *Черна хмара набезжала – ма бы будет дождь. Мама пивня зарубала – ма бы будет борщ* (18.07.2012). Вот оно, творчество речи, удовольствие от случайного общения! На этом творчестве построены некоторые жаргонизмы: *каннуть на жало* – дать взятку; *выкинуть ноздри* – погулять. Ученый из Польши недавно пополнил мою коллекцию: *бросить известь на провод* – позвать родителей к телефону.

Наконец, четвертый вектор, хорошо всем знакомый, – это ЗАИМСТВОВАНИЕ ПОНЯТИЯ из других наук. Муж Маргарет Мид этнолог Григори Бейтсон так увлёкся идеями эзотерики, что вообще забросил науку. Поясняю: не особенно артикулируйте мысль, что ваша работа на стыке наук, за стык ученых степеней не дают. Мы достаточно часто работаем по аналогии, без этого нельзя. Но по большому счету, где брать великие, свежие идеи можно и нужно в других науках. И здесь важно не останавливаться только на заимствовании термина. Недавно я позаимствовала у политологов и философов термин «фелицитарный» [Фрумкин 2011: 204-214]. Фелицитарная политика – политика счастья. Возникла гипотеза о возможности фелицитарной

лингвистики. Однако при этом весьма важно разработать оригинальные принципы этой лингвистики. Пока у нас здесь четыре традиции:

1) связывать проблематику счастья, позитива с менталитетом, всё хорошее переносить в завтрашний день, ничего не планировать, почему у нас, считается, у нас столь высока смертность молодых, потому что мы боимся строить долгоиграющие планы, а без задачи организм «скукуживается», уходит в смерть;

2) счастье исследуется как концепт с выделением ядра, околоядерной зоны, ближней, дальней и крайней периферий;

3) третья традиция: счастье исследуется, как правило, вкупе с альтернативными концептами: несчастьем, горем;

4) множатся сопоставительные исследования: у нас такое восприятие счастья, у китайцев другое, у калмыков – третье.

Всё это правильно и хорошо, однако, наверное, надо искать и особые подходы к изучению позитивных процессов в языке. Полагаю, пока это гипотеза, что действует некий компенсационный принцип. Новостное алармистское телевидение сейчас мало кого порадует, да и пресса не веселее. И люди ищут удовольствие, счастье не только в процессе говорения [Фрумкин 2010: 139-146], но и в манере говорить. Это творчество диминутивов (Поздравляю! – *Взаименько!*), игровой аграмматизм обращений (Продавщица женщине: Сто два рубля, *мои хорошие!*), цитация (*Мама пивня зарубала...*). Но самое интересное, это, пожалуй, сентенции разговорного дискурса, запись и анализ которых может привести к новому методу исследования взаимодополнения дискурсов. Любить собираемый материал – значит его перечитывать. Прошлым летом, когда я после трехмесячного марафона «отдыхала» от записей чужих реплик, в сознании (человек ничего не забывает!) стали всплывать цитаты, но не из лингвистических работ, а из художественных книг, потому что я немного и художественные книги конспектирую. Доцент по телефону вспоминала, как после череды неприятностей, пришло хорошее предложение поработать за границей: «Это мне, наверное, за те испытания!» А

я ловлю себя на мысли, что где-то я о чём-то подобном читала. Да, это Александр Мелихов, цитата из повести: когда судьба видит, что ты уже исстрадался, ей становится тебя жалко, и она раскладывает свои дары: ну что тебе дать, чтобы ты успокоился? Может, вот это? Другое сопоставление. Мужчины, военные бывшие, едут вахтовым методом на стройку в Москву, у одного четверо детей. «Дети бодрят!». Вспоминаю в параллель пословицу «Ребёнка не переделаешь!». На конференции по фразеологии 20 марта 2013 г. доцент из Киргизии анализировала письма Цветаевой, и там прозвучала цитата из письма: «Когда двое говорят, а третий слушает – нелепость!». Тут же припомнилось из картотеки реплик: мальчики с верхних полков едут из Казани с экскурсии класс возвращается из экскурсии из Казани. Мама предложила позвать из соседнего отсека подружку: Позовите Алину! Мальчики на верхних полках, один в ответ: «Втроем не поговоришь!» Реплика доцента – и контекст писателя, реплика военного – и пословица, реплика школьника и сентенция из письма Марины Цветаевой. Что это? А то, что идеи носятся в воздухе, и наша задача филологов схватывать этот ускользающий материал. Это о том, что изустная культура компенсирует то, что прячется глубоко в книгах. Это о том, что умные вещи мы не только пишем, но и говорим. Я назвала такие соврадения методом семантической ротации, то есть наращивания смысла, способом исследования взаимодополнения дискурсов [Харченко 2013: 54-64].

И в заключение несколько слов по проблеме защиты интеллектуальной собственности. В требованиях к публикации в сетевом ВАКовском журнале, о котором выше шла речь, есть такое требование, чтобы материалы ранее нигде не публиковались, да там и не повториться: всегда можно проверить в Интернете. Возникает вопрос: как себя вести. Печальные тиражи-насмешки в 100 (сто) экземпляров (вычтем из них 28 обязательных экземпляров в Книжную палату) заставляют припомнить слова А.Н. Радищева: что крестьянину вы оставляете, что отнять не можете? Воздух, один только воздух! Так что мы из этих ста экземпляров оставляем многочисленному научному сообществу? И

Интернет здесь отнюдь не спасение. Убеждена: как только вы добьетесь интересного результата, тиражируйте его не в одной публикации, дублируйте, пусть даже не слово в слово, но обязательно займите место себе под свою идею. Когда-то я даже примеры из художественных текстов старалась не повторять. Теперь понимаю, что надо упрочивать положение с тем, что принадлежит тебе.

Литература

1. Климов Е.А. Гипотеза «метёлок» и развитие профессии психолога // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1992. № 3. С. 3-12.
2. Огнева Е.А., Кузьминых Ю.В. Типологизация и структурирование когнитивной сцены художественного текста // Современные проблемы науки и образования. Филологические науки. 2012. № 6. (Эл.журнал).URL: <http://www/science-education.ru/106-7379> (дата обращения 29.11.2012).
3. Плотникова Ю.А. Концепт «interest» в современном английском языке. Дис. ...канд. филол. наук. Белгород, 2010.
4. Садикова В.А. Топика: история, теория, практика: монография. Тверь: Тверск.гос.ун-т, 2009. 188 с.
5. Тульчинский Г.Л. Новая антропология (персонология): самозванство или личность как автопроект // Нева. 2010. № 6. С. 140-163.
6. Фрумкин К.Г. Лидер – орудие коллективного развития // Нева, 2008. № 4. С. 160-174.
7. Фрумкин К.Г. О загадочном удовольствии говорить // Нева. 2010. № 12. С. 139-146.
8. Фрумкин К.Г. Политическая экономия счастья. Футурологический этюд // Знамя, 2011. № 11. С. 204-214.
9. Харченко В.К. Мозаика разговорной речи: новые аспекты исследования, электронная база высказываний. – М.: Изд-во Литературного института им.А.М. Горького, 2013. 192 с. Сайт: kharchenkovk.ru

10. Чеснокова Т. Оловянный солдатик. Некоторые аспекты мнимого антагонизма народа и власти // Нева, 2010, № 6. С. 128-139.
11. Чумак-Жунь И.И. Поэтический текст в русском лирическом дискурсе конца XVIII – начала XXI веков: Монография. Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 244 с.
12. Шахин О.В. Динамика перевыражения экзистенциальных евангельских смыслов в художественном тексте (на материале идеологически маркированных текстов А. Фадеева) // Дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008.

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ОРФОГРАФИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ГРАФИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Н.Г. Шубина
СОФ НИУ «БелГУ»

24 мая весь славянский мир отмечает праздник церковный и одновременно государственно-светский – День славянской письменности – день прибытия в Моравию братьев Кириллом (Константина) и Мефодия, византийских миссионеров, ученых и дипломатов. Автором Славянской азбуки общепризнанно называют Константина. Просветительская миссия Кирилла и Мефодия стала также решающим фактором для формирования единого культурного пространства славянских народов.

Вопрос о возникновении славянского и, в частности, русского письма до сих пор является одним из актуальных. Достоверно не установлено, ни когда появилось письмо у славян, ни что представляло собой первоначальное древнерусское письмо, распространенное задолго до XX века, хотя и археологи, и лингвисты приводят аргументы в пользу фактов, свидетельствующих о существовании у славян письма еще до введения азбуки Константина.